

Российская экономика стоит перед необходимостью коренной модернизации. Но сегодня ясно, что проблема заключается не только в обновлении производственной базы или в приобретении за рубежом нового оборудования. Для того чтобы выйти в лидеры мирового развития, необходимы серьезные социальные изменения.

Александр ТРУШИН

Мозговой шторм

EAST NEWS

Отрицательный эффект

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин с 2000 по 2008 год в своих выступлениях и подписанных им документах употребил слово «модернизация» 1698 (одна тысяча шестьсот девяносто восемь) раз. Подсчитать несложно. Надо открыть сайт www.kremlin.ru и в поисковом окне набрать это заветное слово. Кроме общей модернизации экономики там можно найти модернизацию ЖКХ и РЖД, армии, образования, здравоохранения, энергетики, авиапрома, судостроения, транспорта, государственного

и муниципального управления. Словом, модернизация вообще всего, что у нас в стране есть.

Но сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет. Интересно при этом, что в нашем отечественном «Современном экономическом словаре» написано: «МОДЕРНИЗАЦИЯ (от греч. *modernē* — новейший) — усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы».

В то же время на Западе модернизацию понимают иначе (например, в работах экономистов Джеймса О'Коннелла и Даниэля Лернера). Этот термин используется для характеристики давно уже идущего в мире «процесса социальных изменений, посредством которых менее развитые общества приобретают характеристики, отличающие большинство развитых обществ».

Другими словами, мы в России считаем, что достаточно поставить новую машину, и все будет прекрасно. На Западе говорят, что при этом надо поменять «мозги».

Но может быть, они там не правы, и Запад есть Запад, а Восток есть Восток?

Французский писатель Стендаль полтора века назад отмечал, что «Россия копирует во всем Францию, только с опозданием на пять–десять лет». Никуда мы от этого не уйдем. Европа была и будет источником инноваций — не Китай, не Япония, и даже не США. Все новое — технологии, машины, идеи — все рождается в Европе. США эти идеи и технологии успешно коммерциализируют. Японцы, а теперь и китайцы, и другие юго-восточные азиаты не менее успешно повторяют.

Во всяком случае, ведущие наши экономисты это различие трактовок слова «модернизация» отлично понимают. **Вице-президент РАН Александр Некипелов** (с. 26–29) говорит, что модернизация — это комплексный процесс, в нем по меньшей мере три направления: переход на новые технологии, изменение структуры производства и формирование современных институтов рыночной экономики и государственного управления.

В начале апреля в Москве проходила IX Международная научная конференция «Модернизация экономики и глобализация». Ученые — и наши, и зарубежные, выступавшие на конференции, были единодушны: для успешного развития необходимы качественные изменения в структуре экономики, и самое главное, в менталитете людей. **Министр образования РФ Андрей Фурсенко** (с. 24) выразил эту мысль так: «Если мы говорим о новой экономике, надо говорить и о новом образовании... Институт образования должен стать институтом экономического развития».

Можно сколько угодно с гордостью повторять, что у нас ВВП вырос за год на 8,1% и золотовалютные резервы на полтриллиона долларов. Но при этом в апреле уже всерьез заговорили о введении карточек на продовольственные товары — в Ленинградской области, в Хабаровском крае, на Сахалине. Цены на хлеб не выдержали даже установленной

ИТАР-ТАСС

1 октября 1924 года из ворот Путиловского завода вышел первый советский трактор. К 1928 году было выпущено 49 568 машин

правительством «заморозки» и начали расти. Нас успокаивают, мол, в США тоже есть талоны на бесплатное продовольствие для бедных. Однако их бедные и наши — «две большие разницы». У нас бедные, как в прошлом номере «Прямых инвестиций» отмечал **директор Института экономики РАН Руслан Гринберг**, это 37 млн. пенсионеров, а также учителя и врачи. Конечно, есть в мире много стран, где пенсий и вообще социальной защиты просто не существует. Но зачем же нам на них равняться?

Наверное, главная проблема, с которой сейчас столкнулась российская экономика — это ее структура, оставшаяся неизменной практически с советских времен. В работе Евгения Ясина «Структура российской экономики и структурная политика» (М., 2007) приводится таблица валовой добавленной

стоимости в России с 2002 по 2007 год. Под валовой добавленной стоимостью, напомним, понимается разница между стоимостью произведенных благ и услуг и стоимостью благ и услуг, которые были использованы в процессе их производства.

Так вот, если посчитать итоги нашего развития за восемь лет, они окажутся неутешительными. Положительный рост доли добавленной стоимости в ВВП продемонстрировали сектора добычи полезных ископаемых (3,41%), финансовый (1,49%), обрабатывающие производства (0,95%), операции с недвижимым имуществом (0,64%), строительство (0,25%). По всем остальным секторам — минус. Причем самый глубокий — в секторе сельского хозяйства (–2,02%).

Вот, наверное, главная причина роста цен на хлеб: затраты на производство увеличиваются быстрее, чем стоимость продукции. И не надо кивать на подорожание на Западе, или на увеличение потребления продуктов на Востоке. В прошлом году в России собрали

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Таблица 1. Динамика валовой добавленной стоимости России по видам экономической деятельности в 2002–2007 годах, в % к предыдущему периоду

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	Итого
Сельское хозяйство, охота, рыболовство	6,42	6,26	5,72	5,19	4,78	4,40	-2,02
Рыболовство, рыбоводство	0,31	0,52	0,42	0,35	0,30	0,20	-0,11
Добыча полезных ископаемых	6,79	6,74	9,59	11,25	11,14	10,20	3,41
Обрабатывающие производства	17,65	16,96	18,06	19,00	18,24	18,60	0,95
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,75	3,67	3,81	3,41	3,29	3,00	-0,75
Строительство	5,45	6,15	5,80	5,46	5,28	5,70	0,25
Оптовая и розничная торговля, ремонт бытовой техники	23,04	22,22	20,43	19,69	20,75	20,2	-2,84
Гостиницы и рестораны	0,93	0,82	0,95	0,92	0,87	0,9	-0,03
Транспорт и связь	10,37	10,82	9,55	9,96	10,22	10,1	-0,27
Финансовая деятельность	3,11	3,41	3,44	4,10	4,58	4,40	1,49
Операции с недвижимым имуществом	10,74	10,81	9,55	9,96	10,22	10,10	-0,64
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	5,10	5,59	5,39	5,18	5,18	5,0	-0,10
Образование	2,93	2,73	2,69	2,67	2,71	2,70	-0,23
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,36	3,23	3,18	3,07	3,37	3,30	-0,06
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,91	1,89	1,85	1,76	1,87	1,90	-0,01

Источник: ФСГС. Социально-экономическое положение России. 2007 год

72 млн. т зерна. Для нормального питания людей, по расчетам Всемирной организации здравоохранения, необходимо 600 кг зерна в год на человека. То есть 72 млн. т достаточно для 120 млн. человек. А в стране, как известно, 142 млн. жителей. Для сравнения: в 1913 году в России собирали зерна немногим меньше — 68 млн. т.

Наша экономика сегодня неэффективна. Вот главный итог развития последних лет.

Быстроногий Ахиллес не догонит черепаху

Россия — страна догоняющего развития. Лозунг «догнать и перегнать» у нас всегда стоял на повестке дня. В прошлом номере «Прямых инвестиций» академик Виктор Полтерович отмечал, что в 1913 году ВВП России составлял 28% от ВВП США, так и в 2007 сохранилось то же самое отставание. Может, для нашей страны справедлива апория древнегреческого хитреца Зенона, и впрямь быстроногий Ахиллес не догонит черепаху? У них на Западе темпы роста выше 4,5% в год не наблюдались никогда, а у нас — 7–8%.

На протяжении XX века наша страна пережила несколько этапов модернизации. Мы будем трактовать этот термин

ИТАР-ТАСС

Косыгинские реформы 1964–1969 годов повысили заинтересованность рабочих в результатах своего труда

в широком понимании, как процесс социальных изменений. Таких этапов было четыре: эпоха сталинских реформ (1906–1911),

НЭП (1922–1927), реформы Косыгина (1964–1969) и последняя модернизация 1997–2002 годов.

Каждый период продолжался примерно пять лет. Начались они после глубоких социальных потрясений — революция 1905 года, гражданская война, кризис хрущевской

Экономика перегрелась

Алексей Кудрин,
министр финансов РФ:

«Я еще два года назад предупреждал об опасности перегрева российской экономики.

Многие этих опасений не разделяют, говорят, что нужен рост 10% в год, а рост нужно стимулировать спросом. На самом деле, при расширении спроса возникают дисбалансы в отдельных отраслях. Недавно я разговаривал с энергетиками, которые отмечают, что потребности промышленности больше, чем возможности энергетиков. Нет мощностей на рынке. А это означает, что вложенные в промышленность инвестиции окажутся неэффективными. Больше того, сегодня никто не может даже спрогнозировать, какие будут издержки по энергоносителям и по электроэнергии в ближайшее время.

То же касается и транспортной инфраструктуры страны. Она перегружена. У нас все основные дороги рассчитаны на грузоподъемность автотранс-

порта в 6 т. Бесконечные вереницы трейлеров с грузоподъемностью 11 т разбивают дороги. В последние два года мы увеличиваем затраты на ремонт и строительство дорог на 30–40%. Дальше идти некуда — строительная база не может дать в необходимом количестве бетон, цемент, асфальт. Мы создаем избыточную перекапитализацию отдельных отраслей, а потом выясняется, что эти отрасли не столь эффективны по ресурсам, которые вложены.

Китай уже испытал на себе эти проблемы, и сейчас руководство страны поставило задачу снизить годовой темп роста с 11,5% до 8,5%. Посмотрите, что произошло в Казахстане. Правительство стимулировало банки на кредитование строительства жилья по всей стране. В результате разразился финансовый кризис, все остановилось. И теперь говорят, что надо снизить темп роста экономики с 10% до 7%.

В последнее время многим кажется, что министерство финансов против снижения налогов, и прежде всего налога на добавленную стоимость. Но перед страной стоят серьезные вызовы. ВВП растет за счет нефтегазового сектора, но его доля будет сокращаться. Поддерживать нынешний уро-

вень дохода от нефтегазовой отрасли и направлять эти деньги в расходы нам не удастся. По нашему среднесрочному прогнозу, наши расходы в федеральном бюджете должны сократиться, чтобы остаться в зоне надежных значений цен на нефть. Это снижение должно быть примерно 1–1,5% ВВП.

С другой стороны, возникают новые обязательства, связанные с пенсионной системой. Потребуются дополнительные расходы — до 2% ВВП к 2015 году, а в более далекой перспективе — и до 4%. Пенсионная система — главная проблема, главный финансовый вызов стабильности нашей экономики.

А кроме того, у нас недофинансированы инфраструктура и энергетика. И в таких обстоятельствах нам предлагают снизить НДС на 2% ВВП. А через 3 года выяснится, что ресурсов нет. Готовы ли мы заместить 700 млрд. руб. выпадающих доходов? Очень сомневаюсь.

Мировой опыт показывает: число стран, где предприятия платят в бюджет НДС, возросло за последние годы с 80 до 120. А от налога с продаж многие государства отказываются. Сейчас многие рассуждают о том, чтобы наши золотовалютные резервы

и фонд национального благосостояния направить на кредитование экономики. Якобы это отвлечет предприятия и банки от зарубежных кредитов. На это у меня короткий ответ. Когда мы открыли экономику, легализовали валютное регулирование, обеспечили конвертируемость рубля, мы тем самым создали возможность любому нашему предприятию и банку взять кредит в любой точке мира. То есть мы получили конкуренцию предложений инвестиций в РФ на выгодных для нас условиях. Но это одна сторона дела. Каждый инвестор оценивает риски в России и берет их на себя по каждому проекту от \$5 млн. до \$2 млрд. Если государство возьмет эти риски на себя, конечно, к нам придут все инвесторы. Но тогда нам, по-видимому, придется выставить лимиты на такое финансирование. Надо будет определить точки, которые должны быть экспортноориентированными и конкурентоспособными на мировом рынке, чтобы возвращать государству валюту. И мы опять придем к системе, которая называется Госплан.

Да, нужно страховать курс валюты, поддерживать необходимую ликвидность. Но мы не должны отменять возможности, которые открыла для страны рыночная экономика».

ИТАР-ТАСС

эпохи или тяжелый переход от советской экономики к рыночной в 90-е годы.

Каждому периоду модернизации предшествовал особый настрой в обществе. Например, революционный подъем 1905 года, усиленный поражением России в русско-японской войне. В 1921 году страна

После дефолта 1998 года российская продукция почти полностью заменила импорт

была охвачена мощными крестьянскими выступлениями (Кронштадтское, Тамбовское и др.) против власти большевиков, отбиравших хлеб и ничего не дававших взамен.

Сохранить макроэкономическую стабильность

Алексей Улюкаев,
первый
заместитель
председателя
Банка России:

«Есть аргументы у тех, кто отмечает «перегретость» российской экономики, и у тех, кто говорит, что ее нет.

Первые обращают внимание на эксцесс инфляции активов, это всегда считается симптомом перегрева. Резко сократился рост депозитов населения. В первом квартале прошлого года он составлял 2,7–2,8%, сейчас 1,3%. Банки повышают ставки по вкладам, в настоящий момент эффективной считается ставка в 14–15%. Но это рост депозитов не стимулирует. Это значит, что деньги населения направляются не на сбережения, а на потребление. К тому же резко возросли вложения населения в наличную иностранную валюту, в евро.

Имеет место долгосрочный и существенный разрыв между скоростью увеличения доходов и темпами роста национальной производительности труда. С одной стороны, рост производи-

тельности труда (10,5%) выше, чем подъем ВВП, а с другой стороны, он в два раза меньше, чем рост доходов. И это достаточно серьезный показатель перегрева экономики.

Следующий момент – разрыв между ростом внутреннего спроса и внутреннего предложения (то есть выпуска производственной продукции). Рост спроса, очищенный от инфляции, за прошлый год составил 16%. Увеличение выпуска – 8%. То есть получается 8% разрыв. Четыре года назад он был равен 4%. Каждый год прибавляется по процентному пункту. Понятно, что этому есть объяснение – накопленный навес национального недопотребления, механизм платежного баланса, приток иностранного капитала за последние десять лет. Тем не менее, это очень существенный разрыв.

Следующий момент – рост иностранных инвестиций больше, чем на 20% в год. Это близко к уровню Китая. Но неприятность состоит в том, что подъем этот идет за счет внешних сбережений, а не за счет внутренних. Последние увеличиваются темпами недостаточными, норма невысока, и скорость превращения сбережений в инвестиции тоже небольшая. Ну, и плюс государство пытается компенсировать

недостаток внутренних и частных сбережений за счет госинвестиций.

Такой набор фактов показывает, что проблема «перегрева» экономики действительно существует. И это все происходит на фоне определенных внешних шоков. Можно предположить, что экономика «перегретая» более подвержена внешним неприятностям. Внешние шоки – это, прежде всего, шок в мировой инфляции, вызывающий очень много реакций, которые мы видим второй год. В течение полугодия инфляция мировой снижалась, и многие рассуждали, что это новая технологическая эра, когда экономический рост снижает издержки. Но сейчас в мире картина резко изменилась. Там темп роста инфляции значительно выше, чем у нас. Другое дело, что мы импортируем инфляцию за счет того, что в мире повысились цены на продовольствие.

А это означает, что в мире возник дисбаланс между производством и огромным количеством неликвидности, которая формирует дополнительный спрос. Денежные власти развитых стран долгие годы проводили политику дешевого кредита. И тем провоцировали мощный поток экспорта из новых развивающихся экономик. Как следствие – произошло

В 1961 году КПСС торжественно провозгласила: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». А граждане уже почувствовали оттелель. В 1957-м в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Люди задумались: «Если мы победили в войне, то почему мы живем хуже, чем побежденные?» Увидев в 62-м пустые прилавки магазинов, они поняли, что их обманывают. Дело дошло до расстрела рабочих в Новочеркасске. И у всех, конечно, еще на памяти социальные потрясения 90-х годов.

У этих периодов модернизации есть общая черта: реформы заключались в высвобождении производственных мощностей. Или как теперь принято говорить, создавались условия для развития социальных институтов.

Результаты этих модернизаций впечатляют. ВВП России к 1913 году вырос до 28% от уровня США. В стране насчитывалось 127 тыс. студентов – больше, чем в Англии, Франции и Германии вместе взятых. 90% рабочих были не просто грамотными, а имели квалификации. Страна продавала за границу ежегодно около 13 млн. т

снижение роста мировой экономики – с 4,9% до 3,5%. Экономический рост затормаживает в большинстве стран и регионов.

Проблема здесь состоит в том, насколько долго продлится американская рецессия. Она была полностью поддержана снижением производства в других странах-экспортерах. Проблема рецессии – не только американская, но глобальная. Она, видимо, будет влиять и на нас через изменение ценообразования на рынках ресурсов основных товаров экспорта Российской Федерации. А также на доходы бюджета, компаний, домашних хозяйств.

Нас всех беспокоит ситуация на мировых финансовых рынках. Предположения, что эти негативные процессы скоро закончатся, избыточно оптимистичны. Объем списаний с балансов крупнейших инвестиционных банков мира превысил сейчас \$220 млрд. Видимо, данный показатель будет существенно превышен в близком будущем.

Для нас это означает затруднение финансирования нашего долга, удорожание заимствований.

Мне кажется, нашим коллегам в правительстве следовало бы сконцентрироваться на сохранении макроэкономической стабильности.

зерна, а на вырученные деньги закупала в Европе машины и оборудование.

Уже в первые годы НЭПа промышленное производство начало заметно расти. За 1922—1923 его объем увеличился почти в два раза. Успешное развитие позволило ликвидировать топливный кризис, обеспечить работу транспорта, расширить товарооборот между городом и деревней. В 1926-м довоенный уровень был превзойден в целом по крупной промышленности на 8%, а по выработке электроэнергии на 80%. Советский золотой червонец на лондонской бирже котировался выше, чем английский фунт стерлингов.

Реформы Косыгина были предельно простыми и ясными. Предприятиям разрешили использовать часть прибыли для собственного развития. Возник хозрасчет. Экономика в 1966 году прибавила сразу 16%!

Точно также бурно развивалась экономика после дефолта 1998 года, почти весь импорт бы замещен продукцией отечественных производителей.

Теперь посмотрим, чем заканчивались периоды модернизации. В 1911 году Столыпин убили. Российская экономика еще продолжала развиваться, но в 1914 году

страна вступает в Первую мировую войну. Напомним, что в 1910 году Столыпин был резко против войны с Австро-Венгрией из-за захвата Боснии и Герцеговины.

После НЭПа начались коллективизация и индустриализация. Это была эпоха сворачивания производительных сил и производственных отношений. Ни один из пятилетних планов не был выполнен. Советские люди занимались тем, что добывали руду, из которой плавил металл, чтобы сделать танки. И при этом одни голодали на свободе, другие — в лагерях. Про уровень жизни точно сказал Маяковский: «Под старую телегою рабочие лежат».

Косыгинские реформы напугали руководство страны. Они показали неэффективность социалистической плановой экономики. Надо было менять вообще всю систему. К счастью для нее (системы), начали расти цены на нефть, и она выжила. То же самое произошло в 2002 году. Опять начался рост нефтяных цен, и модернизация оказалась как бы ненужной.

Заметим также, что все периоды модернизации совпадали с подъемом образования в стране — как высшего, так и среднего профессионального и общего. Может, пос-

ледний период модернизации 1997—2002 годов имел некоторые особенности. Факт, что с 1996 года восстановились вступительные конкурсы в вузах (их не было с 1990 года). Причем многие молодые люди отправлялись на учебу по программам МВА в Европу и США. Но в то же время была разрушена система начального профобразования. По международным исследованиям уровня обученности школьников PISA, Россия сползла с 20—22-го места в 2003 году до 30—35-го в 2006 году.

На границе тучи ходят хмурые

«Итак, модернизация — очень сложный процесс, — говорит вице-президент РАН Александр Некипелов. — Но сегодня для нашей страны она жизненно необходима». Министр экономического развития и торговли РФ Эльвира Набиуллина (с. 22) выступила с серьезным предупреждением: «Новая технологическая волна» ожидает развитие страны уже к 2015 году. В течение нескольких лет будет практически полностью обновлена значительная часть используемых технологий во всех сферах экономики и человеческой деятельности на основе

В ожидании новой волны

Эльвира Набиуллина, министр экономического развития и торговли РФ:

«Новая «технологическая волна» ожидает развитие страны уже к 2015 году. В течение нескольких лет будет практически полностью обновлена значительная часть используемых технологий во всех сферах экономики и человеческой деятельности на основе современных достижений в био-, нано- и IT-отраслях. Страны, не готовые к этой волне, будут де-факто отброшены на обочину мирового развития. Рынки инновационных наукоемких продуктов в перспективе будут расти быстрее мировой экономики в целом (около 10—20% по сравнению с 4—8%). В условиях быстрого распространения новых технологий в средне- и низкотехнологичные секторы страны, не «поймавшие» новую технологическую волну, станут стремительно отставать, в том числе по конкурентоспособности тех отраслей, где у них еще есть преимущества за счет низких издержек.

Каковы здесь наши позиции? Пока очень слабые. Так, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, у нас составляет всего 9,7%, что в пять раз ниже, чем в Финляндии и в шесть раз меньше, чем в Германии. Сохранение этой ситуации может привести к углублению технологического, а впоследствии — экономического и социального разрыва с экономически развитыми странами, обесцениванию существующего научно-образовательного потенциала. Зато в случае изменения тенденций «призом» может стать лидерство по ряду важнейших технологических направлений, формирование новых инновационных отраслей экономики и новых рынков, модернизация традиционных отраслей на новой технологической основе.

Что мы должны изменить в нашей политике, чтобы ответить на эти вызовы? Главное, на мой взгляд, — нахождение нового баланса в приоритетности решения различных задач экономической политики. Нам необходимо наращивать инвестиции — общественные, а не чисто государственные — сразу в нескольких направлениях. Первое и главное — вложения в человеческий потенциал. Здесь несколько важнейших направлений: модерниза-

ция систем образования, здравоохранения, социальной поддержки, экологии и т.д. Возможности привлечения частного капитала в эти сферы ограничены.

Второе — инвестиции в инфраструктуру: транспорт, связь, энергетика, ЖКХ. Здесь возможности аккумулирования частного капитала значительно выше. Но государство и тут должно вкладывать значительные средства в целях снижения рисков для частных инвесторов. Инвестиции на обновление инфраструктуры требуются огромные, и у частного сектора их в таком объеме просто нет. Более того, если значительные деньги привлекают из частного сектора, это значит, что их не вкладывают в технологическое перевооружение, создание новых производств, исследования и разработки.

Третье — нам необходима реализация крупных прорывных проектов в высокотехнологичных секторах экономики. Нужны значительные инвестиции в науку. При этом что значительная часть инвестиций должна быть со стороны частного сектора, государство их должно стимулировать, в том числе налоговыми методами.

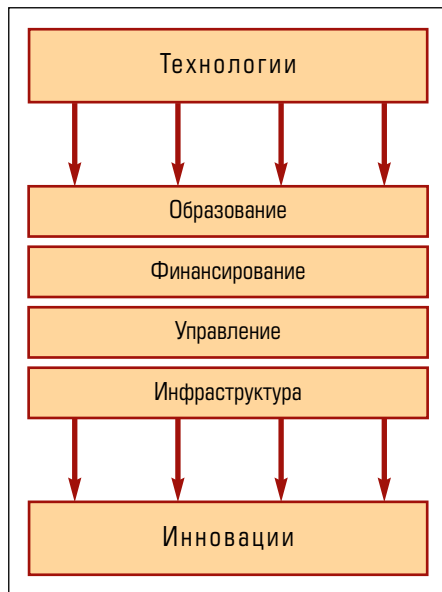
Повторюсь, названные три направления требуют огромных инвестиций и со стороны государства, и со стороны ча-

стного сектора. Но у нас есть еще и приоритет макроэкономической стабильности. И эта цель может войти в противоречие с созданием потенциала для долгосрочного экономического развития. Мы реально находимся в сложной ситуации выбора — амбициозные планы и задачи развития наталкиваются на жестко ограничительную финансовую политику.

Важно, применяя денежные и бюджетные антиинфляционные меры, не остановить экономический рост. Мы не так давно запустили механизм роста, и он только-только начал раскручиваться, вовлекая новые секторы и виды деятельности. Нельзя его охладить разговорами о перегреве.

Приоритет макроэкономической стабильности никто не подвергает сомнению. Но мы должны обеспечить не просто текущую финансовую стабильность, но и долгосрочную макроэкономическую, которую без устойчивого экономического роста не создать.

Отсюда, например, наши предложения по налогам. Налоговая система должна стимулировать инвестиции в инновации и человеческий капитал. Мы снижаем налоги не потому, что хотим ослабить бюджет, а для того, чтобы дать ему в перспективе более надежную, менее волатильную

современных достижений в био-, нано- и ИТ-технологиях. Страны, не готовые к этой волне, будут де-факто отброшены на обочину мирового развития».

Что нужно делать, чтобы не оказаться на обочине? **Ксения Юдаева (Сбербанк России)** считает, что нам необходимо созда-

вать институты, которые должны обеспечить опережающее развитие: «Это должны быть такие институты, которые поощряют инновационность и креативность. Инновационность у нас обычно сводят к некоторым вполне конкретным отраслям, например информационным технологиям. Но дело не в одной отрасли, а в том, чтобы это качество было присуще всей экономике. Креативность — это способность к изменению».

На IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» выступал старший экономист Всемирного Банка Прадин Митра. Он нарисовал схему превращения технологических изобретений в инновации. В каждой экономике технологии проходят сквозь своеобразный четырехслойный фильтр. Вот эти слои: образование, финансирование, управление, инфраструктура.

Каждый из этих слоев может быть способен (или не способен) пропускать через себя технологии и превращать их в инновации. Другими словами, нам надо создать несколько принципиально новых систем.

Например, необходимо, чтобы была сформирована система инвестирования в новей-

шие технологии. Это очень высокорискованные вложения. И государство должно взять эти риски на себя. Нужна также система институтов, позволяющая снизить управленческие риски, сеть консалтинговых и юридических услуг, бенчмаркинг. А также механизм защиты контрактов и прав собственности на изобретения и научные разработки, о которых говорит **вице-президент РАН Александр Некипелов**.

Необходима новая система подготовки и переподготовки кадров, способных быстро перестроиться под нужды новых сфер деятельности (как говорит **министр образования РФ Андрей Фурсенко**, «образование не на всю жизнь, а в течение всей жизни»).

Надо признать, что нынешняя «кузница» кадров — тормоз инновационного процесса. Поэтому, вероятно, прав **академик Виктор Полтерович**, утверждавший в интервью нашему журналу, что мы, как страна догоняющего развития, должны копировать имеющиеся в мире технологии. Пусть даже они (технологии) и не самые новейшие. Так поступали все догоняющие страны.

Но в Академии наук, как утверждает **Александр Некипелов**, по этому вопросу идет сейчас дискуссия. Во всяком случае,

налоговую базу. Необходимо предоставить ресурсы предприятиям, пока они не могут получить их из-за слабости банковской системы и финансовых рынков. Принципиальное значение имеет создание условий, при которых дополнительные ресурсы, полученные предприятиями, пошли бы не на разогрев инфляции и экспорт капитала, а на инвестиции в инновации и развитие человеческого капитала».

Бежать, чтобы стоять на месте

Ксения Юдаева, старший советник Президента, главный экономист, руководитель Центра макроэкономических исследований Сбербанка России:

«На протяжении своей истории наша страна неоднократно делала попытки «догнать и перегнать» развитые страны. Стадия «догнать» у нас проходила успешно, а вот «перегнать» обычно не удавалось. Связано это с тем, что на этапе «догнать» и на этапе «перегнать» нужны разные институты. Сейчас у нас довольно активно создаются структу-

ры, которые нужны, чтобы «догнать». Но опять возникает опасность не перейти вовремя к другим институтам, которые необходимы для того, чтобы быть впереди.

Многие страны, приближающиеся к технологической границе, попадают именно в такую ловушку. Это произошло, например, с Японией, где были развитые институты «догоняющего развития». Но эта страна не смогла перестроить их в 90-е годы, что привело к десятилетнему кризису, который случился на фоне быстрого развития мировой экономики.

Если сказать обобщенно, это должны быть такие институты, которые поощряют инновационность и креативность. Инновационность у нас обычно сводят к некоторым вполне конкретным отраслям, например информационным технологиям. Но дело не в одной отрасли, а в том, чтобы это качество было присуще всей экономике. Креативность — это способность к изменению. Вот две черты, которые надо развивать нашей экономике, чтобы влиться в списки развитых стран.

Глобализация влияет на нашу внутреннюю экономическую политику. В первую очередь, тем, что стимулирует конкуренцию. Именно она создает спрос на инновационное развитие.

В мире происходит изменение хозяйственных форм, предприятия — от малых до крупных — включаются в глобальную экономику. У нас пока не сложились даже региональные рынки, не говоря уже об участии в глобальном. Безусловно, это некоторый дополнительный вызов для экономики РФ.

Другой вызов нам создают быстро развивающиеся государства. Они захватывают все новые и новые рыночные ниши, оставляя другим странам ниши более низкие по технологическому уровню, и они постоянно меняются. В этих условиях требования к экономической гибкости только возрастают. Сейчас мы находимся в состоянии, когда, условно говоря, нужно «бежать, чтобы стоять на месте». Помните, фразу из сказки Льюиса Карролла? Одна из серьезных проблем — недостаточность развития российской финансовой системы. Дело в том, что мы импортируем финансовую систему из-за рубежа, вместо того чтобы развивать свою. Наш кредитный и фондовый рынки развиваются за счет притока иностранных инвестиций. Одновременно отечественные сбережения, как частные, так и государственные, вкладываются в иностранные финансовые активы. Отток отечественных сбере-

жений происходит по двум причинам: первая — недоверие к российской финансовой системе, а вторая — стандартные мотивы диверсификации.

Возможности диверсификации российской экономики осложнены ее сложившейся структурой. Если у вас предприятие выпускало ручные швейные машинки, на которые упал спрос, вы можете, перестроив производство и переучив работников, наладить выпуск микроволновых печей. Но нефтепровод вы ни во что другое диверсифицировать не сможете.

Для диверсификации необходимы несколько условий. Это — стимулирование инноваций и инвестиций, это система институтов, позволяющая снизить информационные проблемы (консалтинговые и юридические услуги, бенчмаркинг и т.п.), это защита контрактов и прав собственности, и, наконец, развитие системы подготовки и переподготовки кадров, способных быстро перестроиться под нужды новых сфер деятельности.

При переходе к развитию на технологической границе возникают две задачи. Первая — развитие необходимых компетенций, таких как ведение бизнеса в условиях глобализации, навыки управления проектами, навыки проведения коммерциализируемых исследований

ясно, что институты догоняющего развития нужны будут в нашей стране еще пять—десять лет, пока мы подойдем к так называемой «технологической границе».

А дальше начнется совершенно неизведанная для нас область. От людей потребуются новые компетенции. Например, навыки управления проектами, умения вести бизнес в условиях глобализации, способность к проведению коммерциализируемых исследований. От государства также потребуется выполнение новых функций. Снимать барьеры на пути создания новых, в том числе инновационных, предприятий, стимулирование экспериментаторства, направленного на повышение эффективности, как в бизнесе, так и в органах государственной власти.

Когда наши сегодняшние экономисты говорят об экономическом лидерстве, они имеют в виду, прежде всего, качество жизни. Уровень развития страны определяется тем, в каком состоянии находятся такие сферы, как образование, здравоохранение, социальная защита. И новые технологии, и инновации нужны для того, чтобы производить товары и услуги, удовлетворяющие потребности людей. Цель экономики — не миллионы тонн нефти и чугуна, а благосостояние населения. Все остальное — средства. Даже военная техника — корабли, танки, самолеты — нужны лишь как средства защиты народа.

Вряд ли мы в ближайшие десять лет будем жить комфортнее, чем развитые европейские страны. Если конечно, там не произойдет

PHOTOXPRESS.RU

Повестка дня остается неизменной с 2002 года — модернизация

какой-нибудь катаклизм. Но мы можем жить хотя бы приблизительно так же, как они. Для этого нам надо идти вперед. И даже не идти, а бежать, чтобы не отставать. Поэтому очень трудно, невозможно согласиться с **министром финансов РФ Алексеем Кудриным**, который говорит о том, что наша экономика «перегрелась», и надо бы снизить темпы ее роста до 5—6% в год. Здесь есть два

важных момента. Первый: вряд ли снижение темпов роста коснется экспортоориентированных сырьевых отраслей. Кто же будет резать курицу, которая несет золотые яйца. Да в этих отраслях и без того рост небольшой, 1—2%. Следовательно, будет подрезано производство товаров и услуг народного потребления. То есть снижение темпов роста означает для большинства населения ухудшение качества жизни. А оно у нас и так не на высоте.

Второй момент в том, что рыночной экономике нельзя приказывать расти на 7% или на 5%. Как писал в нашем журнале (№ 1, 2008) академик Виктор Ивантер, у экономики есть свои адаптационные механизмы. И в последние годы ее фактический рост оказывался выше, чем прогнозировало правительство. Один из важнейших факторов экономического роста — спрос населения на товары и услуги. Другими словами, если правительство намерено снижать рост, чтобы «охладить» экономику, у него для этого есть два способа: либо создать в стране искусственный дефицит, либо сократить доходы людей и заставить их потуже затянуть пояса.

Но государство может влиять на экономическое развитие, создавая или не создавая для него соответствующие условия (институты, инфраструктура и т.п.). Если государство хочет, чтобы люди не задавали вопроса «Почему мы живем хуже других?» — значит, оно должно это развитие обеспечить. А все остальное мы сделаем сами.

и творческого мышления в целом, развитие системы «образование в течение всей жизни». Вторая задача — снятие барьеров для создания новых, в том числе инновационных, предприятий, стимулирование экспериментаторства, направленного на повышение эффективности как в бизнесе, так и в органах государственной власти».

Темп важнее достижений

Андрей Фурсенко,
министр образования и науки РФ:

«Наступило время осмысления того, что происходит в стране. Сейчас у нас появляется много документов, в которых рассматриваются концепции долгосрочного развития. Однако горизонт этих стратегий не превышает пяти —

семи лет. Развитие науки и образования надо прогнозировать на срок в два—три раза больший.

Сегодня много говорят о человеческом капитале. Уровень производительности труда во всех отраслях — от нефтегазовой до высоких технологий — у нас существенно ниже, чем в развитых странах. Следовательно, нам нужно кардинально менять систему подготовки кадров.

Речь идет не только о высшем и среднем профессиональном образовании. У нас до сих пор идут споры вокруг Единого государственного экзамена, мы дискутируем о технологии его проведения. Но мало внимания уделяем тому, что ЕГЭ позволил получить объективную информацию и понять, что треть выпускников школ не знает математики и русского языка. О знании выпускниками других языков мы просто не говорим.

Мы спорим по поводу двухуровневой системы высшего образования: нужно ли отдавать дань западным подходам

или развивать свои традиции. Но мало кто принимает во внимание, что старую нашу систему и стандарты профессиональной подготовки надо решительно менять. В России лишь 15% вузов дают современные знания студентам. Остальные выдают дипломы о высшем образовании. Наша школа — и средняя, и высшая — живет в классно-урочной системе обучения, которой семьсот лет. И никак не может с нею расстаться.

Весь мир стоит перед необходимостью кардинального улучшения подходов к образованию. Нас ждет новая технологическая волна. И если мы говорим о новой экономике, надо говорить и о новом образовании. В этом смысле есть свои плюсы в нашем положении. Мы все находимся на одинаковых стартовых позициях. И если будем достаточно креативны и эффективны, то сможем стать лидерами в образовании. Институт образования должен быть институтом экономического развития.

Для этого необходимо готовить не просто конкурентоспособного выпускника. Надо обучить его ориентироваться в быстроизменяющемся мире, человек должен уметь постоянно учиться. Главный принцип: образование не на всю жизнь, а образование в течение всей жизни. Сегодня бессмысленно рассматривать образование в отрыве от науки, в первую очередь, фундаментальной. Потому что использование новых знаний мотивирует развитие образованного, творческого человека. Но и наука не может существовать сама по себе, в башне из слоновой кости. Наука — это мотивационный инструмент экономического и социального развития. Социальные и экономические институты, и особенно структуры, обеспечивающие передачу знаний, должны быть открытыми, доступными и обществу, и экономике. А с другой стороны, их эффективность должна определяться не только внутренними критериями, но и внешними — обществом и экономикой».